

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С. Н. Азбелев

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И ДАТЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ (историографические заметки)

Из летописей хорошо известно, что знаменитая победа на Куликовом поле была одержана русскими 8 сентября 1380 г., в субботу, на праздник Рождества Богородицы, за Доном, при «устье Непрядвы»¹. Эта река, будучи правым притоком Дона, вытекала тогда из Волова озера, расположенного в центральной части Куликова поля. Протяженность Непрядвы составляет более пятидесяти километров. Сражение было у верховья этой реки, а не около впадения ее в Дон, как долгое время ошибочно принято было считать. Подробно данное обстоятельство я обосновал в докладах, которые были прочитаны в Москве и в Санкт-Петербурге на трех международных и двух всероссийских конференциях в январе, сентябре, октябре и декабре 2013 г. и в марте 2014 г. По тематике упомянутых докладов написана статья, которая опубликована в научном журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» [Азбелев, с. 11–19]. Это позволяет, не пересказывая еще раз всю аргументацию упомянутой работы, рассмотреть связанные с ней актуальные вопросы историографии.

Важно выяснить, каким образом утвердилось неверное определение места сражения — вопреки данным русских летописей. Дело в том, что именно на летописи в первую очередь опирался Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского», из которой наиболее образованные его современники черпали сведения о подробностях Куликовской битвы. Непрядва упоминается неоднократно при цитировании источников в примечаниях Н. М. Карамзина и один раз даже в его основном тексте. Там эта река названа после сообщения о переправе русского войска через Дон. Но не сказано, верхнее или нижнее течение Непрядвы имеется в виду [Карамзин, с. 69].

Среди читателей Н. М. Карамзина были помещики юго-востока Тульской губернии, чьи владения располагались у низовий Непрядвы, поблизости от впадения ее в Дон. Местные крестьяне не раз приносили своим господам артефакты, найденные при пахоте в этих местах. Помимо нательных крестов, иконок и других старинных вещей попадались наконечники стрел и копий. Помещики вполне резонно расценивали это как показатель проходивших здесь некогда боевых действий. Впрочем, среди военных реликвий всё же преобладали бердыши и кремневые пистолеты, одинаково пополнявшие домашние музеи местных любителей старины. Владельцы их еще не имели профессиональных познаний, которые позволяли бы выделить в находках то, что действительно можно было бы отнести к реликвиям сражения 1380 г. На этом же Куликовом поле русские воеводы победили крымских татар в 1542 г. [Соловьев, с. 455]. Во время Ливонской войны Епифанский уезд более двадцати раз подвергался татарским набегам. Здесь происходили крупные бои с крымскими татарами и в 1571 и 1659 г. [Фомин, с. 138–133]. Помимо этого, в период Смуты тут имели место столкновения с отрядами поляков и казаков.

Но Куликовская битва 1380 г. была наиболее выдающимся событием местной истории, которое подробно описано в летописях. Поэтому район находок старинного оружия на своих землях местные помещики считали ареной великого сражения 1380 г., толкуя в пригодно для этого смысле летописные сведения, из которых следовало, что битва происходила вблизи «устья Непрядвы».

Хотя понятие «устье реки» и тогда имело в русском языке несколько значений, подходящим представилось только место впадения Непрядвы в Дон. Обладателям этих земель хотелось считать именно

¹ См., например: ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 317–318; М., 2004. Т. XXIV. С. 134.

себя наследниками Поля русской славы. Поскольку они и были главными интерпретаторами летописных упоминаний «устья Непрядвы», мнение их закрепилось. Этому способствовала эволюция русского языка, где соответствующее значение самого слова «устье» со временем становилось преобладающим.

Академик Измаил Иванович Срезневский при жизни не успел издать составленный им словарь древнерусского языка. Лишь в начале прошлого века в последнем его томе можно было прочесть нужное пояснение: «Усть — устье реки... исток реки: на усть — при истоке». Конкретно имелся в виду исток Невы из Ладожского озера и давалась отсылка к памятнику XIV столетия — Синодальному списку Новгородской первой летописи². Но слово «устье» при обозначении истока реки из озера в средневековых текстах фиксировалось не только для Невы, но и для гораздо более протяженных рек. Таковы, например, устье Шексны или устье Сухоны. Повесть об Усть-Шехонском монастыре сообщала о перенесении «града Белоозера» на новое место «вверхъ по Белу езеру от Шехонскаго устия десять поприщъ»³. Сказание Паисия Ярославова о Каменном монастыре повествовало о «великой реке Сухоне, яже течет из Кубенского езера в Студеное море-окиян своим устьем от начала миру»⁴ (Сухона является притоком Северной Двины). Впоследствии составители словарей фиксировали традиционность устаревавшего со временем значения «устье» — «исток реки». Достаточно напомнить знаменитый словарь Владимира Ивановича Даля: «устье реки, исток»⁵. Или указать недавний словарь народных географических терминов: «Устье... В старых источниках употребляется в значениях “исток реки из озера”... “узкий выход из водоема”»⁶.

Но уже более ста лет почти в любом учебнике русской истории можно увидеть гипотетическую картосхему сражения на Куликовом поле около впадения Непрядвы в Дон. Вариации подобной схемы публиковались как в трудах военных историков, так и в сочинениях популяризаторов XIX и XX в. [Афремов]⁷. Начало этому положил тульский помещик, в молодости — декабрист и литератор, а в старости — тайный советник и сенатор, Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860). Он с 1817 по 1823 г. служил директором училищ Тульской губернии и приобретал у местных крестьян любопытные предметы старины, найденные в земле при пахоте.

Как помещик С. Д. Нечаев был наследственным владельцем земель у нижнего течения Непрядвы, в частности, сельца Куликовка (Шаховское тож), которое являлось одним из многих населенных пунктов подобного названия, расположенных на Куликовом поле. Более пяти лет он выступал в наиболее читаемых литературно-исторических журналах Москвы с рядом статей, в которых последовательно проводилась мысль, получившая итоговую формулировку в статье 1825 г., помещенной в «Московском телеграфе» Николая Полевого. Там уже прямо сказано, что «в самом средоточии места сражения» находилось «селение... принадлежащее сочинителю сей статьи» [Нечаев, 1825, с. 379].

Нечаевское сельцо Куликовка находилось вблизи Непрядвы, южнее изображенного на его схеме предполагаемого места сражения. Аналогичное название, как я уже упоминал, имели и другие населенные пункты Куликова поля (всего таковых насчитывается десять)⁸. Один из них располагался на еще менее значительном расстоянии от заметного повышения местного рельефа в четырех километрах южнее Непрядвы. Нечаев посчитал его тем «Красным Холмом», на котором, согласно преданию, располагалась ставка Мамаю в самый день Куликовской битвы. Впрочем, ни летописных, ни иных письменных указаний на это не существует.

Зато существует донныне селение Красный Холм, расположенное на более значительной возвышенности, с которой, действительно, открывался широкий обзор центральной части Куликова поля.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. III. Стб. 1292.

³ Публикация Повести в статье: [Прохоров, с. 168].

⁴ Публикация Сказания: Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань, 1861. Ч. 1. С. 261.

⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.; М., 1882. Т. IV. С. 514.

⁶ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 583. Автор другого справочника указывал: «слово “устье” в русском языке раньше имело три значения: “исток реки из озера”, “место слияния двух рек” и “место впадения реки в озеро или море”» [Кузнецов, с. 12]. Первое из этих значений проиллюстрировано здесь примерами из средневековых актов источников.

⁷ Автор брошюры — морской офицер, позже преподаватель Тульского кадетского корпуса. Став историком-краеведом, он взял, видимо, за основу картосхему С. Д. Нечаева (см. ниже, примеч. 9) и обозначил на ней предполагаемое расположение войск.

⁸ «На территории Куликова поля по данным письменных и картографических источников XVII—XIX в. мы можем зафиксировать десять топонимов типа Куликово, Куликовка» [Маркина, с. 137]. Автор характеризует конкретное местоположение упоминаемых ею топографических объектов.

Этот Красный Холм достаточно далек от территорий, принадлежавших упомянутым тульским помещикам. Он — у верховья Непрядвы, всего в двух километрах от левого берега знаменитой реки. Как сообщал в свое время выдающийся тульский краевед и археолог Николай Иванович Троицкий (1851–1920), Красный Холм не находился во владениях помещиков. Он расположен «близ верховья Непрядвы на земле казенных крестьян села Никитского». С этим холмом, согласно информации Н. И. Троицкого, «соединяются предания местных жителей о Кудеяре, Мамае и т. п.» [Троицкий, с. 82].

Как известно, не здесь, а в сорока километрах восточнее — на земле соседей Нечаевых по имени, Олсуфьевых, — воздвигнута была памятная колонна в честь Куликовской победы. Воздвигали же ее именно там из уважения к настоятельной просьбе скончавшегося к тому времени крупного тульского помещика Дмитрия Степановича Нечаева (1742–1820).

Об этом довольно ясно свидетельствует текст адресованного генерал-губернатору Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний А. Д. Балашову и датированного 9 июля 1820 г. обращения тогдашнего тульского гражданского губернатора графа В. Ф. Васильева. Он писал, что получил «от г. помещика Нечаева, почтенного старца, которого по всем историческим вероятностям почтить должно настоящим владельцем самого места, где была битва и центр оной, извещение, в оригинале у сего представленное, что он почтет счастливейшим случаем в жизни его, ежели сей драгоценный для каждого русского памятник согласно историческим преданиям сооружен будет в дачах его поместья, сохраняющего предпочтительно пред другими вероятное название самой битвы, именно в сельце Куликове, в Елифанском уезде, между реками Доном и Непрядвой» [Карпова, с. 254].

Незадолго перед тем упомянутый уже сын этого почтенного старца, член «Союза благоденствия» и одной из масонских лож Москвы, Степан Дмитриевич Нечаев в основанном Н. М. Карамзиным журнале «Вестник Европы» опубликовал свое письмо, в котором говорилось: «Нынешний г. губернатор граф Владимир Федорович Васильев первый предложил мысль о сооружении приличного памятника Димитрию Донскому на самом месте знаменитой победы над Мамаем на славном поле Куликове, лежащем за реками Доном и Непрядвой... Патриотическое сие желание через г. генерал-губернатора А. Д. Балашева доведено было до сведения государя императора и удостоилось высочайшего одобрения... Известный художник И. П. Мартос трудится теперь над проектом сего драгоценного для всех русских монумента» [Нечаев, 1820, с. 149].

В следующем 1821 г. этот же сын почтенного старца напечатал в этом же журнале «Вестник Европы» уже конкретные свои предположения относительно точного места Куликовской битвы⁹. Позже в том же году он воспроизвел на страницах того же журнала рисунки восьми найденных, по его словам, на Куликовом поле старинных предметов. На самом деле только один из них — наконечник стрелы XIV в. — действительно, мог бы быть связан с Куликовской битвой [Нечаев, 1821, с. 348–351]. Но С. Д. Нечаев уже тогда организует сбор пожертвований на возведение монумента. А в 1823 г. он публикует в этом журнале описания и изображения найденных «на Куликовом поле» и находящихся в собрании древностей коллекционера В. А. Левшина «старинных оружий» — хотя это были всего лишь пистолет и бердыш, не имевшие, разумеется, отношения к событиям 1380 г. [Нечаев, 1823, с. 307–312].

После разоблачения декабристов С. Д. Нечаев, который к следствию непосредственно не привлекался, ненадолго оказался вне пределов Тульской губернии, а с 1828 г., по протекции князя П. С. Мещерского, служит в Синоде¹⁰. Эстафета основных радетелей и спонсоров «мемориализации» Куликова поля со временем переходит от Нечаевых к их близким соседям по имениям в низовьях Непрядвы — Олсуфьевым. Дело в том, что Александр и Василий Дмитриевичи Олсуфьевы получили поместья на Куликовом поле в 1843 г., после смерти их тетки бездетной княгини Е. А. Долгорукой.

В 1850 г. на так называемом «Красном Холме», в трех километрах от сельца Куликовка (Шаховское тож), находившегося в имении Нечаевых, и в километре от другого сельца Куликовка (Телятинка тож), находившегося в имении Олсуфьевых, была торжественно открыта памятная колонна в ознаменование победы великого князя Дмитрия Донского над Мамаем. Этот памятник, строительство которого вследствие дела декабристов и иных причин не раз откладывалось, был, наконец, возведен, но уже не по проекту И. П. Мартоса, а по утвержденному тогда императором Николаем I проекту архитектора А. П. Брюллова.

⁹ См.: [Нечаев, 1821а, с. 125–129]. Картосхема, приложенная на с. 164а, представляет собой общий план местности, на которой, по представлению С. Д. Нечаева, происходило сражение 1380 г. — без обозначения предполагаемых расположений войск и их действий во время битвы.

¹⁰ В то время П. С. Мещерский являлся обер-прокурором Святейшего Синода, а С. Д. Нечаев тогда женился на его племяннице. После смерти П. С. Мещерского С. Д. Нечаев сам стал обер-прокурором Синода (продолжая при этом посещать собрания масонов). Но в 1836 г. по прошению чиновников Синода он был переведен в московский департамент Сената (см.: [Грачева, с. 227–231]; см. также: [Мухина, с. 242–251]).

Через несколько лет, в связи с коронацией императора Александра II, старший из владельцев земли, предоставленной ими под сооружение этого монумента, Василий Дмитриевич Олсуфьев (1796—1858), был удостоен графского титула¹¹.

В 1880 г. у памятной колонны прошли организованные тульскими губернскими властями официальные торжества по случаю 500-летия великого сражения.

Наконец, в 1913 г. заботами графов Олсуфьевых на участке их земли, некогда специально предназначенном для этой цели умершим незадолго до того графом Александром Васильевичем (1843—1907), в непосредственной близости от памятной колонны, был заложен храм, который строился с одобрения императора Николая II по проекту известного архитектора А. В. Щусева. В церемонии закладки участвовал сын мною только что упомянутого графа Юрий Александрович Олсуфьев (1878—1938). Храм был посвящен вдохновителю Куликовской победы преподобному Сергию Радонежскому. Строительство храма замедлилось из-за начавшейся войны с Германией, и его освящение произошло только в 1918 г. (но вследствие начавшейся революции отделка храма осталась тогда незавершенной) [Ашурков; Гриценко, Наумов; Наумов, Наумова].

Таким образом, позитивным итогом настойчивых забот любителей русской истории (но — дилетантов!), помещиков юго-востока Тульской губернии Нечаевых и Олсуфьевых оказались возведенные именно в их владениях мемориалы знаменитой победы русского оружия в 1380 г. Победа одержана была у берегов Непрядвы. Но произошло это западнее территории, впоследствии принадлежавшей Нечаевым и Олсуфьевым.

В 80-х годах XX в. на ней развернулись археологические разведки, место которых определила ставшая к тому времени уже привычной ошибочная локализация сражения именно у впадения Непрядвы в Дон. Локализация, основанная на давно утвердившемся сначала в обществе, а затем и среди ученых, идущем от помещиков Нечаевых и Олсуфьевых, тенденциозном истолковании сведений Н. М. Карамзина. Как я уже упоминал, Н. М. Карамзин писал, что знаменитая битва 1380 г., согласно использованным им летописям, происходила вблизи Непрядвы — но без указания на ее низовья.

Несмотря на многолетние старания тульских археологов, им так и не удалось найти захоронения участников Куликовской битвы (или вообще какие-либо массовые погребения у нижнего течения Непрядвы). Не удалось обнаружить и сколько-нибудь значимые остатки оружия того времени.

Историкам следует более квалифицированно обращаться к летописным известиям о знаменитом сражении вблизи «устья Непрядвы», учитывая в необходимой степени историю русского языка. Соответственно, археологам, которые все недавние десятилетия безуспешно искали следы упомянутых летописями могил десятков тысяч русских воинов, погибших в 1380 г. на Куликовом поле, целесообразно передвинуть в западном направлении километров на 40 или на 50 основной район полевых разведок.

Бегство остатков разгромленной армии Мамаю вряд ли происходило лишь в южном направлении. Часть ордынцев, вероятно, устремилась на запад и присоединилась к отрядам Ягайла. Другая часть бежала в направлении, откуда войско Мамаю прибыло на Куликово поле, то есть обратно на восток, по кратчайшему пути к переправе через Дон. Преодолев Непрядву, беглецы отстреливались из луков на ее правом берегу, но были, вероятно, настигнуты русскими у берегов Смолки — недалеко уже от впадения этой речки в Дон. Следы преследования бегущих врагов и происходивших здесь боевых столкновений с ними являются те находки фрагментов оружия XIV в. — главным образом наконечники стрел и копий, — которые в XIX столетии питали «музееведческий» энтузиазм местных помещиков.

Данные русских летописей важны не только для верного определения места сражения, происходившего на Куликовом поле в 1380 г., но и для верной его датировки.

Опубликованное четыре года назад московским издательством «Русская панорама» двухтомное сочинение А. В. Журавеля формально всё посвящено Куликовской битве и связанным с ней событиям [Журавель]¹². Временами эта связь исчезающе мала, но обильные рассуждения автора охватили широкий круг тем и включают немало ценных наблюдений и заслуживающих внимания подробностей. Однако, написанные несколько развязно, порой заносчиво-самоуверенно, субъективные работы А. В. Журавеля

¹¹ Как уточнял впоследствии его внук, «Василий Дмитриевич Олсуфьев в [18]30-х годах был московским губернатором, затем долгое время гофмаршалом наследника Александра Николаевича, а по воцарении его получил графское достоинство и звание обер-гофмейстера» [Олсуфьев, с. 26]. Сын Василия Дмитриевича Александр Васильевич сначала был флигель-адъютантом императора Александра III, а затем генерал-адъютантом императора Николая II [Олсуфьев, с. 27].

¹² Во введении этот автор благодарит меня за советы и критические замечания (с. 13). К сожалению, они в слишком малой степени были им учтены. Здесь и далее в скобках даются отсылки к номерам страниц первого из двух томов его работ.

содержат ряд спорных, сомнительных или недоказуемых заключений. В основном же этот автор все-таки следует «традиционной» трактовке сражения 1380 г. (включая, естественно, и ошибочное истолкование слов «устье Непрядвы»).

Но бросающимся в глаза диссонансом предстает часто повторяемое А. В. Журавелем утверждение, что Куликовская битва была не в 1380, а в 1379 г. Он категорично посоветовал своим читателям «распрощаться» с привычной датировкой Куликовской битвы «и привыкать к новой — к 8 сентября 1379 г.» (с. 168). Этот сенсационный тезис, пропаганде которого посвящается специальная глава, — бесспорно, наиболее примечательное «достижение» его двухтомника по сравнению с трудами всех, кто серьезно писал об этой битве ранее А. В. Журавеля.

Сам же его труд подготовлен профессионально: включил около 1250 библиографических примечаний, снабжен квалифицированным перечнем источников и литературы, двумя указателями. Среди специальных работ о сражении на Куликовом поле он заметно выделяется своим объемом и тиражом (содержит около 750 страниц, издан в двух тысячах экземпляров). Это издание активно рекламируется в Интернете. Поэтому нецелесообразно обходить молчанием в научной прессе настойчивое требование А. В. Журавеля пересмотреть одну из важнейших дат в истории России.

Надо сказать, что как раз в данном случае напористый субъективизм этого автора особенно впечатляет, поскольку базируется, прежде всего, на пренебрежении прямыми свидетельствами наших летописей. Как известно, все сохранившиеся летописные памятники однозначно датируют сражение на Куликовом поле субботой 8 сентября 1380 г. Указаниями реальных источников на то, что битва произошла в 1379 г., А. В. Журавель не располагает. Он увлеченно использует только собственные умозаключения, выведенные из ошибочного интерпретирования им некоторых побочных обстоятельств. При этом речь идет не о самом сражении на Куликовом поле, а лишь о том, что могло бы случиться раньше или позже этого эпохального исторического события.

Летописи сообщали о происшедшем после Куликовской битвы: «Тогда же Мамай не во мнозѣ убѣжа... и събра остаточную свою силу, еще възхоте ити изгоном паки на Русь». Но узнал, что на него идет Тохтамыш. Они встретились «на Калкахъ». Мамай оказался побежден, бежал в Кафу, где был убит. Тохтамыш «взя орду Мамаеву... И туто послы своа отпусти къ князю Дмїтрию... повѣдаа... како въдарися... Князи же рустїи... на зиму ту и на весну... отпустиша в Орду... киличиевъ со многими дары»¹³.

Как пишет А. В. Журавель, «при традиционной версии» (то есть если считать, что сражение на Куликовом поле произошло в 1380 г.) «получается масса несообразностей. 1) Тохтамыш выступил в поход на Мамай весной 1380 г. и почему-то медлил до осени, а русские ничего об этом не знали... 2) Мамай в 1379 г. собрал ополчение генуэзцев, но почему-то не использовал их и целый год держал в своем “юрте”... 3) Мамай не мог не знать о появлении Тохтамыша на левобережье Волги, однако, как ни в чем не бывало, кочевал все лето вблизи русских земель, то есть оставлял под ударом собственно татарские улусы. 4) Тохтамыш, пробездельничавший по непонятной причине все лето, начинает активные действия только в середине осени, дав своему врагу возможность собрать новые войска... 5) После этого события развиваются на редкость стремительно — чтобы уложиться до 28 ноября, когда генуэзцы признали Тохтамыша своим “императором”» [Журавель, с. 151].

На самом же деле как раз «при традиционной версии» несообразностей не оказывается. Но они неизбежно возникают, если попытаться датировать сражение 1379 г.

Тохтамыш, подготовившийся весной 1380 г. воевать против Мамая, естественно, решил дожидаться исхода войны между ним и армией Дмитрия Ивановича Московского. Для русских актуальным противником был тогда Мамай, а не Тохтамыш. Отряд (а не ополчение) генуэзцев, нанятых Мамаем, предназначался им для использования против русских. Собственные улусы Мамая в Крыму не могли оказаться «под ударом» Тохтамыша, который находился тогда на левобережье Волги. Лето 1380 г. Тохтамыш не «пробездельничал», а ожидал результата войны Мамая с великим князем Московским. Мамай после своего разгрома на Куликовом поле не мог быстро подготовить новую армию для новой войны, а только собрал «остаточную» свою силу — для набега «изгоном». Нет удивительного в том, что генуэзцы Крыма, узнав о разгроме Мамая на Куликовом поле, больше не стали ему помогать и своим «императором» признали его противника Тохтамыша.

А. В. Журавель напрасно полагает, что Мамай, разгромленный русскими будто бы еще осенью 1379 г., той же осенью и зимой следующего года «готовит новые войска для повторного похода» [Журавель, с. 152].

¹³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 324–325. Это текст Новгородской четвертой летописи. Не имеют существенных отличий другие летописные тексты XV–XVI в.

В источниках указаний на это нет. На самом деле Тохтамыш, воспользовавшись поражением Мамаия в начале сентября 1380 г. на Куликовом поле, победил не «новые войска» Мамаия, а его «остаточную» силу, наскоро собранную для нападения на Русь «изгоном» поздней осенью или зимой того же 1380 г.

А. В. Журавель оперирует не только тезисами, выведенными из собственных домыслов и своих же хронологических ошибок, но и умозаключениями, которые опираются на результаты его небрежного обращения к источникам. Например, он отсылает к работе М. Г. Сафаргалиева, из которой будто бы следует вывод, что Тохтамыш победил Мамаия «уже весной 1380 г.» [Журавель, с. 150]. В действительности, М. Г. Сафаргалиев писал, чем «можно объяснить бегство Мамаия после Куликовской битвы именно в Крым, а не на Волгу. Находясь в Крыму после Куликовской битвы, Мамай собрал остатки своего войска», чтобы идти «изгоним» на Русскую землю, но, узнав, что против него идет Тохтамыш, Мамай пошел на Тохтамыша и был побежден на Калке [Сафаргалиев, с. 402–403]. Ясно, что речь здесь идет об осени или зиме 1380 г. Однако, по словам А. В. Журавеля, «данные нумизматики» свидетельствуют, что Тохтамыш победил Мамаия «уже весной 1380 г.», ибо «найденны монеты Тохтамыша, отчеканенные в 781 г. хиджры в Азаке (Азове) и в Крыму» [Журавель, с. 150]. На самом деле единственная монета, которая здесь может подразумеваться, имеет дату не 781, а 881 г. [Федоров-Давыдов, с. 196].

Как подчеркивает А. В. Журавель, «летописи сообщают о том, что поход на Москву Тохтамыш начал на 3-е лето своего царствования. Это означает, что между битвой на Дону (сентябрь) и разорением Москвы (август) прошло почти три года, а не два, как это ныне принято в историографии» [Журавель, с. 152]. Но царствование Тохтамыша началось не с Куликовской битвы. Сам А. В. Журавель двумя страницами ранее констатировал, что Тохтамыш «впервые сел на престоле в 1378 г., а утвердился на нем лишь весной 1379 г.» [Журавель, с. 150]. Забыв эту собственную констатацию, А. В. Журавель напрасно хочет укорить историков, которые совершенно верно датировали Куликовскую победу сентябрем 1380 г., а разорение Москвы армией Тохтамыша — через два года — августом 1382 г.

Замахнувшись на непосильный, как оказалось, для него универсальный охват множества разнородных фактов и обилия разнообразных источников в широком географическом и хронологическом диапазоне, А. В. Журавель терпит фиаско в центральном звене изобретаемой им конструкции.

Внимательным читателям нет необходимости «привыкать» к ложной дате битвы на Куликовом поле — дате, противопоставленной летописным сведениям. Но стоило бы привыкнуть к верному пониманию летописной локализации великого сражения 1380 г.

Литература

- Азбелев С. Н. География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 11–19.
- Афремов И. Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября. 1380 года. М., 1849.
- Ашурков В. Н. Памятники Куликова поля // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 275–288.
- Грачева И. В. Декабрист во главе Синода // Нева. 2005. № 10. С. 227–231.
- Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 299–344.
- Журавель А. В. «Аки молния в день дождя». Кн. 1. Куликовская битва и ее след в истории. Кн. 2. Наследие Дмитрия Донского. М., 2010.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 2-е, испр. СПб., 1819. Т. V.
- Карпова Е. В. Работа И. П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому. (По новым материалам) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 260–273.
- Кузнецов А. В. Сухона от устья до устья. Вологда, 1994.
- Маркина Е. Д. Возникновение села Куликовки. К вопросу о заселении Куликова поля // Куликово поле. Материалы и исследования. Труды Государственного Исторического музея. М., 1990. Вып. 73. С. 147–153.
- Мухина С. Л. Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. LXXVI. С. 242–251.
- Наумов А. Н., Наумова Т. В. Находки с Куликова поля XIX – 30-х гг. XX вв.; их состав, обстоятельства обнаружения и владельцы // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 148–180.
- Н[ечаев] С. Письмо из Тулы // Вестник Европы. 1820. № 22. С. 149.
- Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. № 14. С. 121–129. (Нечаев, 1821a)

- Нечаев С. Д.* Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. 1821. № 24. С. 348–351. (Нечаев, 1821б)
- Нечаев С. Д.* О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях // Вестник Европы. 1823. № 8. С. 307–312.
- Нечаев С.* Отечественные известия // Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 4. С. 377–381.
- Олсуфьев Ю. А.* Из прошлого села Красного Буйцы тож (Архангельского прихода) и его усадьбы. 1663–1907. М., 1908.
- Прохоров Г. М.* Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 163–206.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 402–403.
- Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Т. III.
- Троицкий Н. И.* Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении // Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле. М., 1890. С. 80–97.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
- Фомин Н. К.* Заселение Епифанского уезда в XVI–XVII вв. // Куликово поле. С. 128–133.